

ВОЛЬФ МЕССИНГ

**Я - ПРОРОК
БЕЗ
ОТЕЧЕСТВА**

Личный дневник телепата Сталина

Вольф Мессинг
Я – пророк без Отечества.
Личный дневник
телепата Сталина

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22449794

*Я – пророк без Отечества. Личный дневник телепата Сталина: Яуза-пресс; М.; 2017
ISBN 978-5-9955-0898-4*

Аннотация

Сенсация! Первое русское издание личного дневника Вольфа Мессинга. Сокровенные записи великого экстрасенса и провидца, которого величают «чудотворцем», «пророком» и даже «Мессией». Предыдущая книга воспоминаний Мессинга «Я – телепат Сталина» стала бестселлером и бьет рекорды продаж. Но даже самые искренние мемуары не имеют такой ценности, как дневник, – ведь они пишутся через много лет после событий, когда подробности уже стерлись из памяти, а что-то мемуарист невольно приукрашивает, замалчивает или искажает в угоду своим изменившимся взглядам. Дневник куда честнее, поскольку не подвержен коррозии времени. В своем личном дневнике, наедине с собой, Вольф Мессинг мог быть так откровенен, как невозможно ни в каких мемуарах. На этих страницах он мог

задавать себе самые исповедальные, самые пугающие вопросы: Что такое мой дар – благословение или проклятие? Откуда мои сверхспособности – от Всевышнего или от Лукавого? Как мне жить с этим бременем нечеловеческой ответственности? Кто я – лжепророк без Отечества или подлинный Мессия?

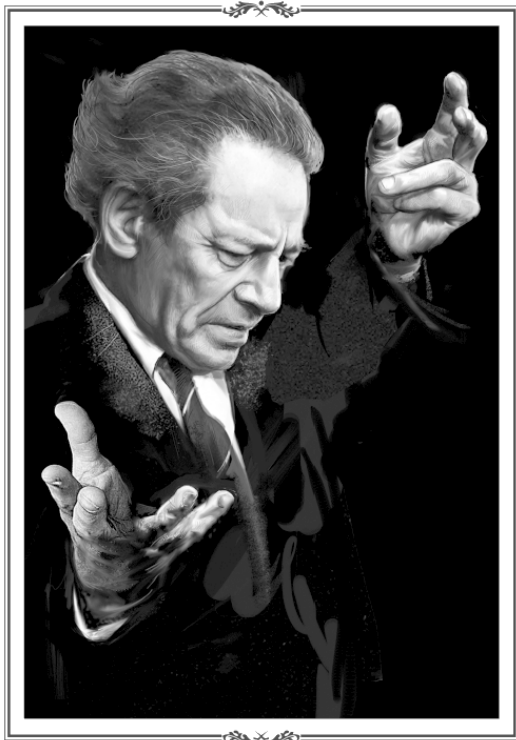
Содержание

Предисловие[1]	7
24 мая 1920 года. Сувалки	10
30 мая 1920 года	12
2 июня	15
3 июня, Варшава	17
5 июня 1920 года, Варшава	26
4 августа 1925 года, Лодзь	29
5 августа	31
6 августа	32
7 августа	35
8 августа	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Вольф Мессинг
Я – пророк без Отечества.
Личный дневник
телепата Сталина

© ООО «Яуза-пресс», 2017

* * *

Предисловие¹

Когда Галине Яковлевне Коган удалось найти и опубликовать мемуары Вольфа Мессинга, то ее друзья в Израиле и в России задались вопросом: а куда же делись первоисточники – дневники «личного телепата Сталина»? Тем более что Абрам Каплун, вывезший рукопись в «Землю обетованную» еще в 1974 году, не раз упоминал о них.

Великое дело – энтузиасты! После кропотливых поисков в Израиле, Германии и Польше «изыскатели» узнали, что дневники Вольфа Григорьевича находятся в Москве, в Центральном архиве ФСБ.

Как они там оказались? Дело в том, что в тот самый день, когда Вольф Григорьевич умер, сотрудники КГБ провели в его квартире тщательный обыск, изъяв и засекретив многие бумаги.

Путем долгих переговоров удалось выйти на одну из сотрудниц архива и упросить ее сделать копию. По вполне понятным причинам имя сотрудницы мы не упоминаем.

Она же обнаружила, что в хранилище ФСБ находятся далеко не все документы из так называемого «Архива Мессинга», – сверка с перечнем показала, что пропала немалая часть. Выяснилось, что документы были похищены еще в на-

¹ Предисловие к первому изданию на иврите (*прим. русского редактора*).

чале 90-х годов. Тогда, в пору разброда и шатаний, дисциплина упала даже у чекистов. Одному из офицеров КГБ удалось вынести часть дневниковых записей и писем Вольфа Григорьевича, протоколы экспериментов, доклады сотрудников госбезопасности и многое другое. Некоторые из этих бумаг сотрудник КГБ переслал в Израиль с целью продажи. К сожалению, сделка сорвалась: «продавец» перестал выходить на связь, и его дальнейшая судьба неизвестна. «Покупатель», гражданин Израиля Биньямин Шимшони, владелец издательства в Тель-Авиве, выждав два года, опубликовал доставшуюся ему часть «Архива Мессинга» в переводе на иврит. Эта книга была переиздана несколько раз².

И только сейчас³ мы имеем возможность опубликовать полные списки дневников Вольфа Григорьевича – отсутствующую в хранилище (похищенную) часть нам любезно предоставил господин Шимшони.

По словам сотрудницы архива, оригиналы дневников Мессинга – это потрепанные тетради, обычные ученические, пожелтевшие и хрупкие, или общие, в ледериновых обложках. Большая часть, примерно с 1939 года, написана на русском, меньшая, более ранняя, – на польском языке.

Многие фрагменты Мессинг использовал при написании

² В России она выходила в обратном переводе на русский язык под названием «Магия моего мозга. Откровения «личного телепата Сталина» (Москва, Яуза, 2016).

³ Первое издание на иврите было выпущено в 1998 году (*прим. русского редактора*).

черновика мемуаров (остались пометки на полях), но о некоторых событиях он в своих мемуарах умолчал или подверг беспощадной правке. И это понятно: мемуары пишутся для окружающих, их ближних и дальних, дружелюбных и не очень, а дневники – для себя.

Думается, читателю будет небезынтересно узнать, каков же был Вольф Григорьевич наедине с самим собой, от чего страдал, чему радовался, что в его жизни так и не сбылось.

Дневники публикуются в авторской редакции.

24 мая 1920 года. Сувалки

Я умру через 54 года 5 мес. и 18 дней. Моя смерть наступит в 11 часов вечера.

«Ну, ты и влип, Велвеле!»⁴ – сказал я себе.

А произошло все как обычно, как уже бывало со мной.

Часа за два до рассвета я проснулся и долго не мог уснуть, а потом вся казарма, весь мир словно канули во тьму, пропали. Было такое впечатление, будто я остался один в черной, гулкой пустоте.

И вот тогда мне было явлено будущее. Словно единственный зритель в безлюдном синематографе, я пялился в экран, вот только показывали не фильму, а мою жизнь.

Когда я очнулся, сердце громко стучало, а лицо было липким от пота. Приподнявшись с постели, я рухнул обратно на койку – изнемог совершенно, словно весь божий день вкалывал, не приседая.

Страх, дикий страх накатил – и оставил меня. Я даже захихикал, как дурачок. (Нервное.)

Чего мне бояться? Что помру полвека спустя? А я разве бессмертен? Или не знал, что люди имеют обыкновение стариться, частенько не дотягивая и до седьмого десятка? Как говорила моя бабушка Рейзл, «человек рождается от матери,

⁴ Настоящее имя Мессинга – Велвел («волчонок» в переводе с идиш). Велвеле – уменьшительное от Велвел (*прим. русского редактора*).

а помирает сам».

Да наоборот, я радоваться должен столь долгому сроку!

Значит, я не скончаюсь от рака в тридцать с небольшим, как наш сосед Янек, меня не убьют, не переедет машина. Я тихо отойду в мир иной.

И, быть может, смерть – вовсе не конец, а начало?

Я не верю в Иегову, Саваофа или Аллаха – это все убогие образы Создателя, возникавшие в воспаленных мозгах кочевников, наивные потуги познать божественную сущность по людскому подобию.

Я просто знаю, что Он есть. Господь. Творец. Вседержитель.

И он вовсе не таков, каким малюют его на иконах или на полотнах, – Бог непознаваем и непредставим. И не дано человеку понять Его, как нельзя узреть всю Землю разом, стоя на карачках посреди огородных грядок. Копошиться в навозе и прахе – вот наш удел.

Далее в тексте добрых полстраницы густо зачеркано⁵.

⁵ Примечание израильского редактора.

30 мая 1920 года

Я сейчас поймал себя на том, что не просто пишу записки, а подыскиваю нужные слова, стараюсь повествовать искуснее, словно сочиняю рассказ о Велвеле из Гуры⁶ на потеху толпе.

И в этом весь я – хилый, тощий, нескладный, близорукий.

Если я слышу хохот за спиной, то деревенею, принимая насмешку на свой счет. Мучительно боюсь сильных и наглых, а если и даю сдачи, то лишь в мечтах.

И есть только одно, что отличает меня от других и возвышает над ближними, – та скрытая сила, что бродит во мне, иногда пугая и даже доводя до слез. Но и утешая в то же время, придавая значимости моей, в принципе, никчемной жизни. Даже составляя предмет тайной гордости «такого феномена, как В. Мессинг».

Я ощущаю свой дар как святониспосланную благодать, хотя, наверное, любая способность, выходящая за рамки среднестатистического явления, несет в себе и благое, и дурное.

Я могу читать мысли и даже видеть будущее, могу внушить то, чего нет, вот только не стану от этого ни полубогом, ни полудьяволом.

Человек ведь не меняется, обретая некие способности. Он

⁶ В. Мессинг родился в Гура-Кальварии Варшавской губернии (*прим. израильского редактора*).

остаётся тем же серым и трусливо вождедеющим существом, каким и был.

В теории сила, коей я обладаю, способна приблизить меня к скромному могуществу. Разве не могу я внушить девушке любовь и страсть, чтобы она с радостью и желанием отдалась мне? Могу.

Вот только будет это не чем иным, как изнасилованием.

Могу заставить ростовщика отдать мне чемодан с деньгами. Это будет воровство.

А я не хочу быть ни вором, ни насильником. Тешить беса – против моих правил. Я сам провел черту дозволенного и никогда не переступлю ее. Аминь.

Подумал сейчас, что меня наверняка будут спрашивать, отчего же я, пророк и чужодей, повелевающий силой своего духа, не воспротивился призыву в армию? А оттого, что больше всего на свете хочу быть как все: не читать чужие мысли, не прозревать грядущее, не двигать по столу бокал вина энергией мозга.

Не хочу я этого! Боюсь! Мне неуютно в собственном теле!

Мои желания могут показаться примитивными, они и вправду таковы – мне бы просто жить и работать, жениться, завести детей, встречаться по вечерам с друзьями, пропуская рюмочку-другую.

Но нет! Неумная сила ворочается во мне, не давая покоя, выделяя из рода человеческого – и отделяя от него.

Оттого я такой нервный, вспыльчивый, раздражительный.

Оттого не думал даже увильнуть от службы.

Да, да! Хотел, чтобы все у меня было как у людей.

Призывают сверстников в армию? Стало быть, и мне с ними.

Тем более что угодил я не в строевые части, а в санитары.

Какой-то спесивый служака, ведавший распределением новобранцев, процедил, глянув на мою худобу: «Еврей – не солдат!»

Ну, в чем-то он был прав: сражаться за Великую Польшу, дабы раскинулась она «от можа до можа», я не имел ни малейшего желания. Чего ради я буду убивать русских или малороссов? Они мне ничего плохого не сделали.

А через год мне светит демобилизация – мне это ведомо. Одному мне.

* * *

Позволил себе недопустимое – огрызнулся на капитана Журека...

Следующая страница вырвана⁷.

⁷ Примечание израильского редактора.

2 июня

В санитарной части объявились три солдата и поручик. Приказали мне собираться – и на выход. Грубо так вздернули за шиворот да пинка отвесили – шевелись, жидовня!

А я не понимал – за что? Куда это меня, да под конвоем?

Суетливо хватая пожитки, я прокручивал в уме всякие варианты – ничего не сходилось. Кроме одной, самой непротиворечивой версии: санитар Мессинга приняли за русского шпиона!

Когда меня доставили на вокзал и наподдали прикладом, «подсаживая» в вагон, я почти убедился в верности своей догадки: мы направлялись в Варшаву.

Разумеется! Ведь именно там, на Саксонской площади, стоит Генеральный штаб, а в его недрах прячется «дефензива»⁸.

Мое видение будущего никак не разнилось с этой версией, разве что вселяло надежду – меня не расстреляют. Может быть...

Ведь судьбу не изменишь до тех самых пор, пока она остается неведомой тебе. Как обманешь рок?

Начнешь вести себя «непредсказуемо»? Изменишь своим привычкам? Выберешь для прогулок другие улицы? А отку-

⁸ Контрразведывательное отделение «двуйки» – Второго отдела Генштаба Войска Польского, занятого военной разведкой (*прим. израильского редактора*).

да тебе знать, что сказано в Книге Судеб? Может, как раз твои «непредсказуемые» фортели и описаны на ее желтых пергаментных страницах?

Но как только становится известно, что тебе суждено, ты легко обретаешь редчайший, небывалый шанс объегорить судьбину, выбрать иную долю. Однако выбор этот скрывает в себе не только вероятное добро, но и зло – уберегшись от уготованной тебе беды, ты сам накликаешь на себя иное несчастье. Ирония судьбы!

3 июня, Варшава

С варшавского вокзала меня отконвоировали в Генштаб, чего я и боялся, где передали какому-то полковнику. Полковник назвался Эугениушем Сквишиньским, он расточал любезные улыбки и даже велел накормить меня, что было очень кстати – в вагоне я грыз галеты, твердые, как кость, да запивал их горячей водой, убеждая желудок, что он имеет дело с душистым чаем.

Настроение у меня поднялось, а час спустя, когда мою персону доставили в Бельведерский дворец, я и вовсе повеселел⁹. До меня наконец дошло, по какой такой надобности я потребовался в Варшаве. Меня хотел видеть Пилсудский!

Надо полагать, «начальнику государства» нужен был не двадцатилетний санитар, а «польский Калиостро» – хоть мои выступления в берлинском паноптикуме и в цирке Буша не принесли мне мировой славы, но интерес у «почтенной публики» возбудили-таки.

Ожидая «аудиенции» в огромной приемной, я не волновался. Успокоился. Смерть мне грозить перестала, а уж маршала я как-нибудь распотешу.

Признаться, я поражался, до чего же извортливо оказа-

⁹ Не совсем ясно, почему в мемуарах Мессинг не упоминает Бельведер. Возможно, не счел нужным уточнять, где именно произошла встреча с Юзефом Пилсудским (*прим. израильского редактора*).

лось шляхетское чванство – поляки пели осанну «Первому Маршалу Польши, Создателю возрожденного польского государства, Воскресителю Войска Польского, Великому Вождю и Воспитателю народа»!

Да, так и писали газеты, захлебываясь от верноподданнических чувств. «Великий, мощный, молчаливый, будто сфинкс, погруженный в раздумья, выкованный из гранита. Маршал Юзеф Пилсудский – любовь и гордость народа!»

И вот он передо мною, «Великий Вождь»: меня провели в большой кабинет, где за столом сидели два длинноносых генерала, незаметный человек в штатском и он, маршал Юзеф Пилсудский.

В обычной своей серой куртке стрелка и серо-голубой фуражке-мацеювке, с пышными черными усами и тяжелым взглядом из-под насупленных бровей, маршал больше всего напомнил нашего соседа в Гуре, арендатора Здзислава. Тот такой же был – крепкий, основательный и властный.

Взгляд у Пилсудского был не просто тяжел. Он, чудилось, гнул и ломал, подавляя волю. Смотреть маршалу прямо в глаза было трудно, но я смог.

Видимо, ему это понравилось – в выражении маршальского лица я прочел одобрение.

– Я слышал о вас от Витольда, – сказал Пилсудский и сделал небрежный жест рукой, – это дипломат¹⁰. Он был на ва-

¹⁰ *Витольд Йорко-Наркевич* (1864–1924) – польский революционер, политический деятель, публицист, дипломат. В 1920–1921 годах исполнял обязанности

шем концерте в Варшаве. Вам удалось удивить Витольда, а это, скажу я вам, непросто. Вы читали мысли... Как вы это делаете?

– Не знаю, – честно признался я. – Представьте себе стра-
ну слепых, куда попадает обыкновенный зрячий. «Как вы
можете видеть предметы, не пощупав руками?» – спрашива-
ют слепцы. «Да я просто вижу их!»

– А что значит «вижу»?

– Хотел бы я знать...

– Ну, это ничего, – добродушно пробурчал Пилсудский. –
В отличие от Витольда не я хожу на ваше выступление, пан
Мессинг, а вы пришли ко мне. Хотя найти вас было нелегко,
вы хорошо спрятались! – Устроившись поудобнее, он про-
должил: – У меня пропал серебряный портсигар, но не в це-
не дело – он дорог мне как память. Найдете его?

Я глубоко вздохнул. Обычно, когда человек, которого я
жду, или любой прохожий, еще далеко, но приближается ко
мне, я слышу... Нет, не так. Я каким-то образом ощущаю
его мысли, они становятся слышны мне как бы в голове – о,
это очень трудно описать, а объяснить еще труднее.

Сначала мысль воспринимается как неразборчивое бор-
мотание, но чем ближе человек, тем яснее его «голос».

Но когда я иду в толпе или стою на сцене перед перепол-
ненным залом, мысли сотен людей путаются друг с другом,
мешаясь в прерывистый гул, вычленить из которого одну от-

дельную телепатему очень и очень трудно.

Иногда мне это удастся, помогает настрой и сосредоточение, но легче всего просто взять человека за руку – телесный контакт как бы замыкает этого зрителя на меня.

В кабинете сидело всего четверо, но я здорово устал, разнервничался – как тут сконцентрируешься? А просто так подойти к маршалу и шляхтичу и взять его за руку?

Еврей-санитар в мятой форме лапает Великого Вождя!

Да еще через стол... Я внутренне содрогнулся.

И вспомнил почему-то доброго, хоть и настырного профессора Абеля, которому я был обязан тем, что стал выступать с «психологическими опытами».

Абель, как и всякий немец, был материалистом. Он с ходу отверг мои идеи о психодинамическом поле мозга, назвав их завиральными и дилетантскими. «Энергия мозга вытягивает едва на 12 вольт, о каком поле может идти речь?» – горячился он.

Я не спорил с ним и кротко соглашался.

«Это не чтение мыслей, – уверял меня Абель, – а, если так можно выразиться, «чтение мускулов»... Когда человек напряженно думает о чем-либо, клетки головного мозга передают импульсы всем мышцам организма. Их движения, незаметные простому глазу, тобою легко воспринимаются, Вольф. Да, ты часто выполняешь мысленные задания без непосредственного контакта с индуктором. Здесь указателем тебе может служить частота дыхания индуктора, бие-

ние его пульса, тембр голоса, характер походки...»

Я только кивал, словно китайский болванчик. Да, конечно, наблюдательность – это важно. Зачем зря «расходовать нерв», когда румянец на щеках, испуг или невольное движение «дают подсказку»?

Вот и генералы, составившие компанию Пилсудскому, позволили мне «прочесть их мускулы» – каждый из них хоть раз да глянул влево. Там висела портьера, задерживавшая высокое окно.

Я молча прогулялся к окну, и отдернул портьеру.

– Вот ваша пропажа, пан маршал, – сказал я, передавая Пилсудскому тяжелый портсигар с гравировкой.

Маршал хмыкнул только, убирая «пропажу» в карман.

– Говорят, вы и будущее прозреваете, пан Мессинг? – сощурился он.

– Иногда, пан маршал, – сдержанно ответил я, догадываясь, какой вопрос последует.

Шла война с Советской Россией, и поляки то переходили в наступление, то поспешно отступали.

Пилсудский носился с идеей Междуморья, рыхлой конфедерации Польши, Белоруссии, Украины, Прибалтики, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии и Финляндии. По сути, это была все та же старая мечта о Речи Посполитой, раскинувшейся «от моря до моря», поэтому-то сей проект был встречен весьма кисло всеми, кроме поляков.

А вот у Ленина размах был куда большим – Земшарная

республика Советов! Он потому и немцам полстраны отдал с легкостью: знал, что скоро Красная Армия перейдет в наступление и вернет не только Украину с Прибалтикой, но и Польшу. И в Берлине зареет красный флаг, и в Париже, и в Лондоне...

Конники Буденного и красноармейцы Тухачевского шли в бой с одним заливчатским девизом: «Даешь Европу!»

Это был сильный противник, однако польские генералы относились к командарму с презрением: дескать, что нам какой-то бывший поручик, вылезший в «красные маршалы»!

– Чем закончится война с Советами? – прямо спросил Пилсудский.

– Войско Польское скоро победит, – ответил я осторожно, – но до этого полякам придется отступить чуть ли не до самой Варшавы. Тухачевский, хоть и допустит тактическую ошибку, очень опасен.

– Это мальчишка! – фыркнул один из генералов. – Поручик! Он всю войну просидел в плену у немцев! Откуда ему было набраться опыта?

– Тухачевскому ни за что не удастся выбить наши полки из Киева! – надул щеки другой.

Я сдержался и промолчал, хотя обида жгла меня: оба чина смотрели на меня с глумливыми усмешками, и даже не телепату были ясны мысли этой парочки в генеральских погонах – дескать, жиденок-шарлатан случайно нашел портсигар, а теперь дурит нам головы всяким вздором.

Тогда я ощутил некую внутреннюю щекотку – мне до боли, до содроганья захотелось совершить маленькую месть и проучить генералов, отстегать их за глупый гонор и заносчивость.

Я был раздражен, да что там – взбешен. Обычно сильные эмоции мешают мне сосредоточиться, но холодная ярость, напротив, удесятворяет мою силу.

Хватило нескольких секунд.

– Пан маршал, – спросил я, – могу ли я сказать кое-что почтенным панам?

Пилсудский был хмур и задумчив и лишь кивнул.

Глядя в глаза тому из генералов, что сидел ближе ко мне, я сказал:

– Пан генерал зря скупает акции украинских сахарных заводов. В Киеве, Житомире, Херсоне и Одессе будут править большевики.

Лицо у генерала забавно вытянулось, челюсть у него отвисла, выказывая крупные зубы, желтые от курева, а смотрел ясновельможный пан на меня так, словно увидел перед собой ожившего покойника.

Переведя взгляд на генерала, сидевшего поодаль, я проговорил:

– Пани Малгожату смущает разница в возрасте, сильно смущает.

Чин побагровел и закусил пегий ус, а Пилсудский хмыкнул.

Ему понравилось, как я уел офицеров.

Штатский не думал обо мне плохо, ему я ничего не открывал, но он сам не сдержал любопытства. Поерзав, штатский вежливо спросил:

– А мне вы не можете что-нибудь... э-э... сказать?

– Пусть почтенный пан не беспокоится насчет своей дочери, – ответил я. – Она непременно поправится. Ей уже лучше.

Увидеть больную девушку, лежавшую в постели, было легче всего – передо мной сидел отец, переживавший за ее здоровье.

– Как он мог узнать, что моя Басюня больна?! – воскликнул человек в штатском.

Насупленные генералы промолчали, а Пилсудский попросил оставить нас одних. Все покинули кабинет, и маршал спросил:

– Пан Мессинг, вы можете открыть мне мое будущее?

– Попробую, – сказал я без большой уверенности, поскольку прилив силы вполне мог смениться спадом.

Усевшись напротив Пилсудского, я закрыл глаза и сделал несколько медленных глубоких вдохов, погружаясь в сумеречное состояние, когда раскрывается подсознание и то странное, что сидит во мне, обретает имя действия.

– Пан маршал проживет долго, – глухо сказал я, открывая глаза, – в почете и славе. Пан маршал будет министром и премьер-министром. Будет нелегко, но пан маршал спра-

вится.

– Сколько именно лет я проживу?

– Пятнадцать, пан маршал.

Пилсудский кивнул.

– Пан Мессинг, не хотели бы вы продолжить службу в Варшаве?

Я понимал, что маршал не доброту свою проявляет, ему просто хотелось иметь меня под рукою, но и мне это было на руку (каламбур получился!).

– Хотел бы, пан маршал.

* * *

Так закончился этот длинный-предлинный день, один из тех, что влияли на мою судьбу. Пилсудский определил меня писарем при штабе, вот я сижу и пишу – уже палец болит, и это я еще опустил всякие подробности. Как меня вели под конвоем по Варшаве. Что я видел, о чем думал...

Положу себе за правило открывать дневник лишь тогда, когда надо будет сделать запись о действительно интересном, важном. Возможно, такое со мной будет случаться по разу в год, ну, так что же? Иные мечтают о такой жизни, когда ничего не происходит.

Все! Хватит. Устал.

5 июня 1920 года, Варшава

На прощанье Пилсудский подарил мне золотые часы. Я их носил, но смотреть, сколько времени, старался тайком. Мало ли...

В штабе было гораздо спокойнее, чем в казарме. Здесь тоже на меня косились, но хоть не насмехались над моим еврейством.

Наверное, я создавал впечатление человека стеснительного, этакой деревенщины, робеющего перед «столичными». Пускай.

Мне это только на пользу. Действительно, я никого ни о чем не расспрашивал, а ориентироваться в штабе мне помогала моя благословенная сила: «подслушивая» мысли служивых, я узнавал, кто где сидит, в каком звании и тому подобные мелочи, без знания которых не очень-то и послужишь.

Пару дней высижив в душной канцелярии, я получил задание доставить пакет на улицу Новый Свят. Быстро обернувшись, дождался еще одного пакета, тяжелого от сургучных печатей, и отправился на Маршалковскую.

Короче говоря, на третий день службы меня сделали курьером – мой непосредственный начальник, поручик Чеслав Ковальский, был доволен исполнительностью нового писаря, тем более что корявый почерк рядового Мессинга приводил штабных каллиграфов в неистовство.

А уж как был доволен сам рядовой! Не протирать стулья, не скрипеть пером, а гулять на свежем воздухе. Красота!

Задания я выполнял исправно, но и о себе не забывал – навещал знакомых, забегал в кафе, а однажды повстречался с Леоном Кобаком, весьма пройдошливым человеком. Леон согласился стать моим импресарио, но с одним непременным условием – что я буду слушаться его и вне сцены. «Ладно!» – сказал я.

Возвращаясь в штаб, я подумал, что давеча сгоряча назвал мою силу проклятой. А не кокетство ли это?

Что я значу без моих способностей? Да, я не просил Создателя наделить меня странными, подчас пугающими талантами, но смирись уж, Велвеле. И кем же ты станешь, когда вдруг лишишься силы? Одним из мириада созданий, копошащихся в варшавском муравейнике?

Помню, однажды в деревне я перевернул старую, полуистлевшую колоду, а под ней кишели мураши. Они бегали, суетились, таскали яйца. Я тогда еще подумал, что это здорово похоже на городскую сутолоку.

Так как, Велвеле, готов ли ты стать в строй безвестных и безымянных граждан, стать интегральной единицей «народных масс»? Пока сила с тобой, Велвеле, ты – единственный на свете.

Дальнейшие дневниковые записи, вплоть до середины 1925 года, практически отсутствуют, сводясь к разрознен-

ным подсчетам, иногда с короткими, энергичными комментариями («жадюга», «ворюга», «каналья»). Видимо, в адрес импресарио¹¹.

¹¹ *Примечание израильского редактора.*

4 августа 1925 года, Лодзь

С весны не мог найти свой дневник. Думал уже, что потерял, как он вдруг нашелся в одном из чемоданов, в кармашке на крышке.

Перечитал свои записи, испытывая снисхождение к тогдашнему себе, юному, непутевому, горячему.

Теперешний я – взрослый, солидный и опытный. Двадцать шесть лет скоро, не абы как.

Отец, правда, по-прежнему, как в детстве, зовет меня мишугенером¹², считая совершенно непрактичным и житейски несостоятельным. И у меня есть подозрения, что Леон склонен соглашаться с моим папашей – уж сколько раз мой импресарио дурил меня, присваивая себе куда больше, чем полагалось по уговору.

Правда, я никогда с ним не ругался из-за денег, поскольку корысть была его натурой. Кобак спал и видел деньги. Просыпался и думал только о деньгах. Говорил о них – и делал деньги, добывал их неведомыми, но законными путями.

Да и что толку ругаться? Попробуйте убедить горького пьяницу не пить! Да и куда я без Леона?

Что-то в нем было мне неприятно, что-то отталкивало, но Кобак обеспечивал мне хорошие заработки.

¹² Дурачком (идиш) (прим. русского редактора).

Конечно, по-всякому бывало. Тут как на море – то прилив, то отлив. Однажды два дня не ел, пришлось часы, подаренные Пилсудским, продать. А потом опять накатило – гастроли, аншлаги... Сил хватало на два выступления в день.

Самое интересное, что Леон не верил в телепатию, считая меня обычным шарлатаном, только что везучим. На первых порах я пытался Кобака переубедить, читая его мысли, но мой импресарио раз за разом «убеждался» в моем везении, и только.

«Молодец! – говорил он, когда я находил спрятанную им безделушку. – Тебе опять везет!»

Ну, что ты скажешь...

5 августа

Проснулся поздно и очень удивился, обнаружив рядом с собой хорошенькую девушку. Она тихонько посапывала, совершенно по-дитячьи, волосы цвета соломы были разбросаны по подушке, а одеяло открывало груди, похожие на опрокинутые чаши. Соски напоминали спелые малинки.

Я с трудом вспомнил, как ее звать: Беата. Она сама подошла ко мне вчера вечером, после выступления.

Я был рассеян, усталость давала себя знать, а Беата реяла вокруг, восторженно щебеча, шелестя кружевами и обволакивая запахом духов.

Мы вместе поужинали, прогулялись... и проснулись в моей постели.

Помнится, я лежал, смотрел на девушку и думал о том, что в мою жизнь пришло многое, а вот любви я так и не встретил.

Вот Беата – она милая, и фигурка у нее точеная, но я ничего к ней, кроме обычного влечения, не испытываю. Страсть – это прекрасно, но недостаточно.

Нужно, чтобы к девушке потянулась не только плоть, но и душа.

Вот только пока моя душа молчит – я ни разу в жизни не почувствовал, как говорят французы, «сердечного укола». Знать, не встретил ту самую, единственную.

6 августа

Напророчил будто! Поделившись с дневником своими печальями в обед, ближе к вечеру я встретил ЕЁ.

Мы с Леоном зашли в ресторан на Огородовой, сели за свободный столик, а ОНА находилась неподалеку – тянула из бокала шипучку и о чем-то болтала с родителями.

Поразительно, но я не сразу заметил эту девушку – был занят разговором с Леоном. Да каким там разговором...

Я вежливо ругался с моим импресарио. Он сказал, что, если бы не моя примечательная внешность, можно было бы сыскать двойника. Пусть бы, дескать, дурил зрителей в одном городе, а мы бы в другом...

Прибыль сразу вырастет – расширение дела!

Я возмутился – никого я, мол, не обманываю, все по правде, и я ни за что не позволю какому-то пройдохе позорить мое имя, пусть даже и за деньги.

«Нельзя же, – говорил я Леону, – все мерить на злотые! Есть же музыка, хоть я и ни черта в ней не смыслю, есть прекрасные картины, природа вокруг, девушки! А у тебя одни деньги на уме!»

Я отвернулся, хмуря брови и морщась, словно продолжая бесполезный спор. Именно тогда я и увидел Лею Гойзман.

Вернее, сперва я почувствовал ее интерес ко мне – это было как легкое, ласковое дуновение, будоражащее и греющее

кровь.

Лея была очень мила и нежна, лебединая шея гордо несла изящную головку. Припухшие губки слегка улыбались, но большие черные глаза выражали куда больше чувств.

Было просто удивительно, как у ее отца, коренастого и нескладного, да у ее матери-простушки могла родиться такая прелесть.

Лея посмотрела на меня, удерживая взгляд целую секунду, и отвела глаза, боясь строгого папаши, текстильного фабриканта.

Это мелкое знание пришло ко мне будто само по себе, но я отмахнулся от такого пустяка.

Чтобы не вызвать подозрений у Гойзмана-старшего, я вернулся к разговору с Леоном, но был невнимателен. Импресарио вещал что-то о международной известности, о зарубежных гастролях, а я только кивал, порой невпопад.

– Я знаю, ты можешь, – настаивал он. – Значит, нужно довести число выступлений до трех в день!

В этот самый момент я узнал, где живет Лея, и замешкался с ответом.

– Нет, Леон, – покачал я головой, – даже два раза в день – это много для меня. Уж ты поверь, я сильно устаю.

Так мы продолжали болтать, но я не слишком вникал в суть, меня больше волновали те посылы, что наплывали от Леи, – они были приятны, как мгновенная ласка.

Гойзмены покинули заведение первыми, а мы с Леоном

задержались. В дверях Лея обернулась, и мы снова встретились глазами.

У меня даже голова закружилась – почудилось, что девичье лицо совсем рядом, так близко, что от щек Леи веет теплом.

Вечер прошел скомканно, у меня все валилось из рук. Мне ничего не хотелось, только быть рядом с этой девушкой, которую я увидал впервые в жизни.

Мысли о том, что я влюбился, не мелькали – во мне жило опасение. Вдруг я ошибаюсь? Как вообще люди распознают любовь? Ведь это чувство никак не объяснишь, не выразишь словами. Вон сколько веков подряд изощряются поэты – перебрали все выражения и метафоры, а истины так и не ведает никто.

Не знаю, может, то, что я чувствую, и не любовь вовсе, но во мне впервые в жизни растет и укрепляется убеждение, желание: я хочу, я должен, мне очень нужно быть вместе с Леей.

Рядом, держась за руки. Хотя бы...

7 августа

Получил письмо от доктора Абеля – обещает собрать ученых, чтобы изучить мой «феномен». Ответил ему в том смысле, что совсем не против, а даже за. Меня и самого беспокоят мои непонятные таланты.

Выступление прошло не слишком хорошо. Зрители, правда, ничего не заметили, хлопали, но я был очень рассеян. Еще ни разу я не думал столько о девушке. У меня словно пульсом раздается: Лея, Лея, Лея...

8 августа

Ночью я спал плохо, весь извертелся, но, как ни странно, выспался. И с раннего утра твердо решил встретиться с Леей, а для начала – договориться о свидании.

И еще во мне росла, крепла уверенность в том, что внушение к девушке лучше не применять вовсе – наши отношения должны развиваться естественно, как обычно, как у всех.

Я даже задумался над тем, какое большое место в моей жизни занимает внушение. Постоянно я что-то внушаю, буквально мимоходом. Прохожий узнает меня, а я не хочу задерживаться – и даю ему посыл забыть о Мессинге. Мысленно поторапливаю официанта или внушаю к себе почтение у громилы. Когда спешу, раздаю сигналы направо и налево, чтобы люди сторонились, уступая мне дорогу.

Я прекрасно помню, как впервые воспользовался своим талантом, сев в поезд до Берлина, – тогда для меня, мальчишки без гроша в кармане, голос кондуктора, вопросивший: «Ваш билет!», прозвучал как приговор строгого судьи. Я поднял какую-то бумажку с пола и протянул ему, моля небеса помочь, и кондуктор спокойно прокомпостировал обрывок...

Мне было совершенно непонятно, что же случилось, и позже я не пользовался своим даром, чтобы, скажем, «купить» булку за обертку, хотя меня шатало от голода. Совест-

но было, да и нельзя же себе потакать – преступая закон по мелочи, привыкаешь жить по-воровски, и отучить себя от этой пагубной привычки весьма непросто.

Хотя мне понятна тяга преступника нарушать установленные обществом и Богом заповеди – искушение бывает подчас сильнее воли.

Правда, с Леей все было иначе – даже в мыслях я не преступлю той черты, что отделяет честный и бесчестный поступок.

Дом Гойзманов находился на Пётрковской, на улице былолюдно, и мне не пришлось скрываться. Прогулявшись мимо садовой решетки пару раз, я случайно привлек внимание Леи – она выглянула в окно второго этажа.

Мы встретились глазами. Она сразу узнала меня, смутилась – и скрылась в глубине комнаты. Но этих секунд мне хватило, чтобы мысленно передать Лее: «Я буду ждать тебя в галантерейном магазине на углу!»

Окно медленно закрылось, а я неторопливо пошагал к лавке галантерейщика. Встречные девушки хихикали, замечая мою глуповатую улыбку, однако я ничего не мог с нею поделать – только сгоню ее с лица, как губы опять расползаются.

Побродив, понаблюдав за прохожими и экипажами, я вошел в магазин, внушая продавцам, что меня здесь нет (стань я шпионом, цены бы мне не было!).

То и дело звякал колокольчик, входили новые покупатели,

а я всякий раз вздрагивал, высматривая панну Гойзман. Дух мой увядал, хотя надежда все еще подавала признаки жизни.

И вот появилась Лея...

Увидев меня, она замерла на мгновение, будто споткнувшись о незримый порожек, а после, наклонив голову, приблизилась к прилавку и стала перебирать какие-то ленточки или тесемки.

Я подошел и стал с нею рядом, вдыхая тонкий запах духов. Совершенно не помню, что я тогда высматривал, пуговицы, кажется. Даже попросил галантерейщика показать «вот эти, перламутровые».

Лея глянула на меня и улыбнулась – улыбка у нее была очень милая и немного лукавая.

«Я видела его всего лишь раз, – подумала она. – Как странно...»¹³

Взволновавшись, я усилием воли унял нервы и негромко сказал:

– Мы не знакомы, но не пора ли исправить эту досадную ошибку? – и улыбнулся, не сдерживая чувств.

В те мгновения у меня сложилось впечатление, что Лея воспринимала именно мою улыбку, а не слова. Она мило покраснела... Ничего не могу с собой поделать: все время на ум просится именно это слово. Мило, милая...

Все-таки волнение давало себя знать, я никак не мог со-

¹³ В мемуарах В. Мессинг приводит другие слова, но стоит больше доверять дневникам, как первоисточнику (*прим. израильского редактора*).

средоточиться. И уже язвила совесть: моя решимость не использовать внушение с Леей таяла, как льдинка в ладони.

Девушка никогда ранее не знакомилась с молодыми людьми вот так, таясь, это рождало в ней неуверенность, чувство вины, испуг.

Не дожидаясь той горькой минуты, когда смутный страх подтолкнет Лею к бегству, я предложил ей прогуляться – и дал мягкий посыл, успокаивая и укрепляя доверие.

Мы вышли из магазина и медленно пошагали в сторону от дома Гойзманов.

– Позвольте представиться, – сказал я. – Меня зовут Вольф Мессинг, я менталист, выступаю со сцены в Варшаве, Берлине, Вене. Я прошу прощения за то, что прочел ваши мысли тогда, в ресторане, и прибег к внушению, чтобы встретиться с вами сегодня. Обещаю, что более не позволю себе такой вольности.

Ощувив, что Лея начинает успокаиваться, а любопытство ее и интерес ко мне растут, я и сам сбросил нервное напряжение. Все получилось! Мы идем вместе, Лея рядом со мной!

– И вы у всех-всех-всех можете читать, что они думают? – восхитилась девушка.

Ее ресницы захлопали, и мое бедное сердце застучало в такт, словно мячик, которым играла нежная девичья рука.

– Могу, – признался я, – но поверьте, Лея, в этом мало хорошего и привлекательного. Людские мысли лезут в мою бедную голову, и никак от них не избавишься. Поневоле ста-

нешь любить бывать в лесу, где никого – и тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.